

Казус восточноазиатской интеграции: факторы географии и безопасности

А.А. Байков

В статье анализируется влияние географии и комплекса угроз безопасности на динамику и формы интеграционных взаимодействий в ареале Восточной Азии. В частности, делается вывод о том, что как институциональные особенности интеграции в Тихоокеанской Азии, так и подходы в сфере сотрудничества местных государств были в значительной степени предопределены той системой военной кооперации и военно-политических договоренностей, которые сложились в годы «холодной войны» и с большим трудом преодолеваются сегодня, тормозя в том числе сближение во внешнеполитической сфере.

В Восточной Азии географические границы зон интеграционных тенденций подвижны. Уместно проиллюстрировать этот тезис практикой проведения Восточно-Азиатских саммитов, на которые в декабре 2005 г. было решено пригласить Индию, Австралию и Новую Зеландию, а с 2011 г. – США и Россию, которых к Восточной Азии относят далеко не все. Между тем норвежский исследователь Бьорн Хеттне и американский специалист по Восточной Азии Гарри Хардинг вообще отрицают факт существования в мире «естественных (географических) регионов», указывая, что вопрос о конфигурации региона может решаться ситуативно – в зависимости от сферы сотрудничества. В отечественной науке с этим подходом отчасти согласуется определение региона, предложенное

А.Д. Воскресенским, который понимает под ним «совокупность явлений международной жизни, протекающих в определенных территориально-временных координатах, объединенных общей логикой таким образом, что эта логика и координаты ее существования являются взаимообусловленными»¹. Российский Дальний Восток, например, должен был бы географически принадлежать к Восточной Азии, но чаще в зарубежных работах не относится к ней – во многом из-за недостаточно активного участия находящихся там субъектов России в экономической жизни восточноазиатских государств. Иными словами, при определении состава региона можно использовать такой критерий, как включенности стран в региональное хозяйство. В настоящей статье Восточно-Азиатский регион рассматривается как

Байков Андрей Анатольевич – к.полит. н., доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО(У) МИД России, главный редактор журнала «Международные процессы». E-mail: vestnik@mgimo.ru
Статья подготовлена при выполнении НИР по теме "Международно-политические и правовые аспекты интеграционных проектов с участием Российской Федерации", проводимой в рамках реализации ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8015).

совокупность двух субрегиональных фрагментов – Северо-Восточной Азии (СВА)² и Юго-Восточной Азии (ЮВА)³.

К началу 2010-х гг. слияние юго-восточного и северо-восточного фрагментов региона в единый экономический комплекс в основном завершилось. Конечно, этот процесс протекал географически неравномерно. Следует помнить, что Юго-Восточная Азия исторически была более плотно встроена в систему мировой торговли. Свыше 25% мировых торговых потоков до сих пор проходят через Малаккский пролив, соединяющий Индийский океан с Тихим океаном. В то же время Япония, Китай и Корея, напротив, исторически ограждали себя от внешнего, в том числе экономического, проникновения. Как следствие, в странах ЮВА к XX в. развился стойкий комплекс зависимости от прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) и внешней торговли.

Сингапур, например, в начале 1960-х гг. стал строить свою экономическую стратегию на активном привлечении американских инвестиций в электронику. В результате к началу 2010-х гг. на контролируемые зарубежным капиталом компании приходится до 80% экспорта страны, а общий объем зарубежных инвестиций превысил половину всех капиталовложений в стране. Та же ситуация характерна для Малайзии, Таиланда, Филиппин и Вьетнама. Для сравнения: в Японии, Южной Корее и на Тайване эта величина составляет 2, 7 и 10% соответственно⁴. Правда, сегодня, в отличие от колониальных времен, свыше 50% ПЗИ и внешней торговли стран ЮВА приходится на соседние восточноазиатские страны⁵.

Это – одно из наиболее ярких свидетельств идущей в регионе экономической интеграции. Вместе с тем психологически ее процесс облегчается исторически сформировавшейся терпимостью государств субрегиона к доминированию иностранного элемента в структуре инвестиций и торговли. Важным фактором слияния субрегионов в единый регион в 1980–1990-х гг. стало желание Японии (и США) осуществить передислокацию трудоемких, «грязных» производств в страны Юго-Восточной Азии, обеспечив себе дальнейший технологический рывок. Ущерб для экологии в ЮВА осознавался не менее остро, чем в Японии, но экономический выигрыш для малых и средних стран от переносимой индустрии его перевесил.

Форсированное хозяйственное развитие СВА также в существенной мере подпитывалось поставками сырья из юго-восточной части региона. Экономической рост толкал государства обеих частей Восточной Азии друг к другу, связывая их сначала узами торговли, производства и сырьевых поставок, а затем – необходимостью валютно-финансовой и технологической координации. Объединение субрегионов в регион происходило под действием растущей, прежде всего экономической, взаимозависимости. При этом наиболее заметную, иницирующую роль в интеграционных процессах играли политики стран ЮВА, на импульсы которых реагировали Япония и США как потенциальные

технологические и инвестиционные доноры. В начале 1960-х гг. доля внутрирегиональной торговли в Восточной Азии составляла 25%, в 1980 г. – около 35%, а в 2010 г. – более 55%⁶.

Для НАФТА и ЕС аналогичные показатели в этот период равнялись 43 и 65%. При этом в самих субрегиональных фрагментах эта доля была несколько ниже в Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – 22% и выше в Северо-Восточной Азии – 26%. Торговый оборот между Японией и Китаем, Китаем и АСЕАН, Китаем и Южной Кореей с 1997 по 2007 г. возрос в четыре, шесть и восемь раз соответственно⁷.

Развитие экономического сотрудничества на групповой, региональной основе – один из наиболее популярных политических лозунгов среди большинства стран в этой части мира. Особенность внешнеполитической стратегии стран ЮВА – принцип коллективного действия малых и средних стран, осознавших свою силу в сплочении и единстве. Даже удивительно, что объективным региональным лидерам – Японии и Китаю – с начала 1980-х гг. приходилось соглашаться с необходимостью прислушиваться к мнению АСЕАН и принимать его как единственную основу для обсуждения почти любых вопросов интеграционного характера⁸. Показательно в этой связи, что если в ЕС интеграцию направляли Франция и Германия – наиболее крупные страны, то в Восточной Азии – малые и средние государства АСЕАН.

О существовании в Восточно-Азиатском регионе собственно интеграционных тенденций свидетельствует несколько обстоятельств:

– *во-первых*, важным аспектом интеграционных усилий является координация политики в ряде областей взаимодействия – торговой, транспортной, финансовой, отчасти экологической. В этой части мира нельзя говорить о проведении «общих политик», как в Евросоюзе. В то же время в некоторых сферах парадигма коллективного согласованного действия начинает преобладать над разрозненными индивидуальными шагами отдельных государств. Так, АСЕАН выступает консолидированным игроком на торгово-экономических (ВТО) или международно-политических переговорах (в отношениях с ЕС, США, Россией и Индией), сначала вырабатывая свою позицию между собой, а затем оглашая ее в качестве коллективной переговорной платформы;

– *во-вторых*, страны региона добиваются сближения своих экономик через гармонизацию технических требований и введение единых правил происхождения товаров (rules of origin), хотя они и пробуют достичь этого без движения к наднациональности. Для реализации цели сближения страны региона осуществляют меры, безусловно, интеграционного характера, предусматривающие либерализацию экономического пространства, включая облегчение режима перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В принятой в 2007 г. в Сингапуре «Дорожной карте по созданию Экономического сообщества АСЕАН» была сформулирована

среднесрочная цель построения к 2015 г. «единого рынка и единой производственной базы в масштабе Восточно-Азиатского региона». Речь при этом, разумеется, идет не о «сплошной» либерализации, как в ЕС. Страны региона движутся по пути более избирательного сращивания своих экономик, учитывающего степень зрелости конкретных отраслей хозяйства отдельных стран-членов;

– в *третьих*, после азиатского кризиса 1997–1998 гг., а в еще более отчетливой форме – в ходе глобального экономического спада 2008–2009 гг. к координации политик добавился новый инструмент интеграции – создание общих «пулов» ресурсов с общим же управлением, которое наиболее ярко проявилось в действиях по защите финансовых систем стран региона от валютных колебаний. Страны АПТ фактически сформировали единый фонд для стабилизации колебаний курсов национальных валют. В этом же русле находятся меры по созданию общего рынка облигаций стран АПТ.

Неслучайно с конца 1990-х гг. официальные лица стран АСЕАН и АПТ стали регулярно характеризовать сотрудничество между собой словом «интеграция»⁹. С точки зрения субъектов интеграционных взаимодействий, в Восточной Азии сложилась пестрая картина региональной интеграции, которую условно можно отнести к «очагово-сетевому» типу. В этой части мира действуют три в разной степени консолидированных очага интеграции. Первый представлен Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), объединяющей все страны ЮВА, за исключением Восточного Тимора¹⁰, и производным от него механизмом сотрудничества «АСЕАН плюс три» (АПТ) с участием Китая, Южной Кореи и Японии. Как и в случае с зарубежной Европой, в Восточной Азии ядро интеграции выкристаллизовалось там, где в наибольшей мере действовал фактор географической близости¹¹.

АПТ появился во время азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. как инструмент коллективной защиты экономик региона от валютно-финансовых катаклизмов в будущем. Важно, что АПТ не является организацией в полном смысле слова. Эта структура функционирует при АСЕАН, выступая ее специализированным органом финансовой координации. «Внешние» участники АПТ – Китай, Южная Корея и Япония – постепенно движутся к ассоциированному членству в АСЕАН.

Хотя внутри образуемого ими интеграционно-го комплекса процессы сближения протекают неравномерно, АПТ совместно с АСЕАН воплощает основное многостороннее организационное и экономическое ядро восточноазиатской интеграции. Наблюдаемая между составляющими этого ядра асинхронность в темпах и интенсивности сближения до некоторой степени напоминает ту, которая характерна для ЕС, где есть более интегрированные «старые» и менее интегрированные «новые» члены. Более того, по инициативе АСЕАН и фактически под ее эгидой осуществляется интеграционное строительство во всем Восточно-Азиатском регионе.

Второй очаг восточноазиатской интеграции представлен японо-американским интеграци-

онным комплексом, «закамуфлированным» под военно-политический союз. За истекшие полвека он превратился в систему интенсивных военно-политических, инвестиционных и интеллектуальных взаимодействий, вполне отвечающих строгим критериям интеграции. Как и в случае Франции и Германии, он вырос из опыта преодоления вооруженной конфронтации Второй мировой войны.

В конце 1980-х гг. оба этих комплекса оказались внутри обрамляющей их трансрегиональной группировки АТЭС, также заявившей о своей интеграционной природе организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, включающей 21 страну и территорию, омываемую Тихим океаном как в Восточной Азии, так и в Северной и Южной Америке и Океании. Это фактически третий очаг интеграции, внутри которого оказались два более консолидированных интеграционных ядра. Отношения в рамках рыхлого АТЭС начинают напоминать скорее связи сетевого типа, назначение которых состоит в смягчении наметившейся между двумя другими центрами регионального сближения конкуренции.

АТЭС ставила выгодную в первую очередь неазиатским странам (США и Австралии) и в меньшей степени Японии задачу удержать интеграцию в АСЕАН в более открытом режиме, обеспечив в ней присутствие «белых стран». Аналитически АТЭС очерчивает максимально широкий географический предел восточноазиатской интеграции¹², в краткой и среднесрочной перспективе явно недостижимый. Собственно интеграционная компонента в деятельности АТЭС представлена в меньшей степени. Согласно Богорской декларации, принятой на втором саммите АТЭС в Индонезии в ноябре 1994 г., была выдвинута цель создания зоны свободной торговли сначала для развитых государств-членов в 2010 г. и для развивающихся – к 2020 гг.¹³. Первая часть этой цели не выполнена. Нет оснований думать, что будет выполнена и вторая. Сегодня АТЭС действует преимущественно как механизм консультаций стран Тихоокеанского бассейна, обсуждающих наиболее важные проблемы экономического развития, а в 2000-х гг. – и безопасности.

С точки зрения самоидентификации участников интеграция в регионе представлена двумя типами взаимодействия. Группировки первого типа открыто провозглашают и решают задачи межгосударственного сближения. Это, прежде всего, признаваемое политиками и учеными ядро – АСЕАН, наиболее старое и наиболее влиятельное с точки зрения способности консолидации региона. Важно оговориться, что после нескольких туров расширения в 1990-х гг. в АСЕАН наметился разрыв в экономическом развитии и внешнеполитической стратегии между «старыми» и «новыми» участниками, что невольно выводит на аналогию со «старой» и «новой» Европой в практике ЕС. Вот почему фактически интеграционное ядро АСЕАН функционирует в составе пяти первоначальных членов – Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда, а также примкнувшего к ним в 1984 г. Брунея¹⁴. Именно в этих рамках в 2003 г. в ре-

гионе заработала первая полноценная зона свободной торговли. К нему примыкает механизм АПТ. Интеграционные задачи провозглашает и АТЭС.

Второй тип взаимодействия характерен для японо-американского комплекса, который формально не ставит перед собой задачи интеграционного характера. Он выглядит как обычный военно-политический союз, но на деле является наиболее тесно интегрированным в экономическом смысле образованием в регионе. Оно индуцировало и продолжает индуцировать мощные протоинтеграционные импульсы, влияющие на динамику интеграции в АСЕАН и АПТ.

Одним из основных мотивов создания АСЕАН было стремление закрепить принцип отказа от применения силы при урегулировании межгосударственных конфликтов¹⁵. В текст Бангкокской декларации (1967 г.) была вписана мысль о необходимости «укрепления регионального мира и стабильности при уважении принципов ООН, верховенства закона и справедливости»¹⁶.

Государства Юго-Восточной Азии желали, с одной стороны, погасить сохранявшуюся между ними напряженность, подогреваемую малайзийско-филиппинскими разногласиями относительно статуса провинции Сабах и спора между Индонезией и Малайзией из-за острова Борнео в 1962–1966 гг. С другой стороны, в Восточной Азии, так же как и в Западной Европе, внерегиональные державы (США) пытались навязать малым и средним государствам многосторонний или двусторонний алгоритм сотрудничества в военной сфере наподобие АНЗЮС и СЕАТО или новой военно-политической структуры.

В Западной Европе развитию собственно интеграционных связей предшествовало заключение военно-политического союза между их будущими участниками (Брюссельский пакт и НАТО). Только вслед за этим были согласованы решения экономического характера. По аналогичному сценарию развивался интеграционный комплекс японо-американских отношений. Сначала, в 1951 г., между двумя странами возникли тесные военно-политические отношения и лишь впоследствии, к 1980–1990-м гг., над ними был надстроен сегмент глубокой экономической взаимозависимости.

Отказ стран-основателей АСЕАН от сотрудничества между собой и с внешними державами в военной сфере в 1960–1970-х гг. в форме создания субрегионального военно-политического блока в момент создания ассоциации отчасти был связан с отсутствием у них готовности к такому сотрудничеству на фоне сохранявшихся между странами территориальных споров. В этой связи экономическое сближение (как и в Западной Европе) казалось местным странам инструментом формирования благоприятной обстановки для смягчения политико-военных противоречий.

Кроме того, годы выдвижения первых интеграционных инициатив совпали с войной США во Вьетнаме (1965–1973 гг.), которая сопровождалась скрытым военным противостоянием Соединенных Штатов с Китаем и СССР. Страны АСЕАН не

хотели быть втянутыми в противоборство великих держав. В преамбуле Бангкокской декларации говорилось о том, что все иностранные военные базы на территории стран АСЕАН «являются временными и останутся там только с согласия соответствующих стран. Их использование не должно быть направлено, прямо или косвенно, на подрыв государственной независимости этих стран и их самостоятельного развития»¹⁷. Забегая вперед, следует сказать, что на сегодняшний день на территории стран АСЕАН нет ни одной иностранной военной базы. США расформировали последнюю американскую базу на Филиппинах в 1992 г.

С точки зрения парадигмы обеспечения безопасности значение имеет содержание Декларации согласия АСЕАН, подписанной в ходе Первого саммита ассоциации в 1976 г. В ней утверждался приоритет двусторонних договоренностей в сфере безопасности. Было подчеркнуто, что АСЕАН в своей деятельности не будет в обозримой перспективе стремиться к многосторонним соглашениям в этой области. В разделе Е («Безопасность») стороны ограничились лаконичной ссылкой на «развитие сотрудничества между членами АСЕАН помимо механизмов АСЕАН и в соответствии со взаимными нуждами и интересами»¹⁸.

На Втором саммите АСЕАН в 1977 г. в Куала-Лумпуре был учрежден формат диалога с партнерами Ассоциации. Этот диалог было решено поддерживать в рамках так называемых постминистерских конференций (ПМК), которые проходили на уровне министров иностранных дел стран АСЕАН и стран-партнеров Ассоциации, приглашенных на заседания. ПМК созывались вслед за министерскими конференциями министров иностранных дел стран АСЕАН. Отсюда – их название.

Первая постминистерская конференция состоялась в 1978 г. с участием представителей Австралии, Канады, ЕЭС, Японии, Новой Зеландии и США. Первоначально цель проведения ПМК формулировалась как «развитие экономических связей АСЕАН с крупнейшими мировыми державами». Но с течением времени они приобрели другое предназначение. В западной литературе есть точка зрения, согласно которой механизм диалога с внешними державами – партнерами Ассоциации позволил странам Ассоциации «встроиться в региональный порядок»¹⁹, то есть придать своим отношениям с более сильными государствами более регулярный, предсказуемый характер. Однако эта точка зрения может вызывать сомнения.

Широкий политический диалог в масштабах всего Восточно-Азиатского региона, в которых вылились постминистерские конференции в 1970–1980-х гг., шел с заметным преобладанием АСЕАН. Большие державы всеми силами стремились привлечь к себе симпатии малых и средних государств, опасаясь конкуренции со стороны Советского Союза, который в этот период искал пути расширить свое влияние в регионе. Вот почему США, Япония и Австралия уделяли политическому диалогу с АСЕАН значение несколько большее, чем это могло следовать из региональной значимости этого блока

■ Политология

для каждой из больших держав. В значительной степени именно из-за конкуренции между СССР и США за малые и средние государства региона странам АСЕАН удалось в 1980-х гг. создать ситуацию, при которой они выбирали, какую из внешних держав допустить на роль привилегированного партнера Ассоциации, а какую – нет.

На постминистерских конференциях происходило взаимное информирование их участников о состоянии региона в экономическом и военно-политическом отношении. Страны АСЕАН понимали, что замыкаться только в своем кругу сотрудничества неразумно. Им было важно обеспечить благоприятный региональный климат для претворения в жизнь своих интеграционных планов. Требовалось приучить партнеров по диалогу иметь дело не с каждой из стран АСЕАН в отдельности, а со всеми ними в целом как с единой группировкой. С одной стороны, АСЕАН таким образом исключал вероятность игры внешних сил на противоречиях внутри Ассоциации. С другой – система ПМК не допускала самоизоляции АСЕАН в региональных делах, позволяя развивать отношения с полезными партнерами.

В повестке дня постминистерских конференций преобладали вопросы безопасности. В частности, в 1980-х гг. главным был вопрос о вмешательстве Вьетнама во внутренние дела Камбоджи (1979–1989 гг.)²⁰. Как и в случае с войной во Вьетнаме, любое обострение военно-политической ситуации на границах Ассоциации почти автоматически приводило к замедлению политической активности в ней. АСЕАН как будто замирала. Молниеносное расширение АСЕАН в 1984 г., когда к ней примкнул Бруней, освободившийся от британского колониального управления, в этом смысле ничего не изменило.

До второй половины 1980-х гг. страны АСЕАН отказывались от создания специализированной региональной структуры в области безопасности. В основе этой политики лежали традиционные опасения стран АСЕАН оказаться втянутыми в советско-американское противостояние. Позднее ситуация изменилась. Во-первых, исчез фактор биполярной конфронтации в результате распада СССР (1991). Во-вторых, экономическое возвышение Китая, очевидное к середине 1990-х гг., стимулировало изменение позиции стран АСЕАН в связи с перспективой отношений с КНР. Было ясно, что Китай – уже не слабая, отсталая страна, от которой исходит угроза коммунистической экспансии, а динамично развивающийся и привлекательный торгово-экономический партнер, хотя и по-прежнему опасный.

Продолжая испытывать недоверие к Китаю, страны АСЕАН не могли позволить себе отказаться от выгодных отношений с ним²¹. Но они опасались попасть в зависимость от КНР, тем более что Пекин стал проводить в регионе активную экономическую и военно-политическую линию. В связи с этим обострились споры между КНР и рядом государств Юго-Восточной Азии по вопросу о принадлежности островов в Южно-Китайском море, в районе

которых предполагалось наличие энергоресурсов. Ряд стран АСЕАН (Индонезия, Филиппины и Вьетнам) имели с КНР негативный исторический опыт²².

В такой ситуации в кругах АСЕАН созрела идея вовлечь КНР в диалог с Ассоциацией, но таким образом, чтобы в нем участвовали не только малые страны региона, но и мощные в военном отношении внерегиональные державы (Россия и США). В 1990-х гг. список «партнеров» Ассоциации, приглашаемых на ПМК из числа великих держав, пополнился за счет Китая, Индии, России и Южной Кореи.

Вместо того чтобы идти на более тесные отношения с одной из великих держав, отдавая другие, страны АСЕАН решили пойти по пути включения всех значимых игроков в региональный диалог. Эту черту в парадигме действия АСЕАН можно условно описать как «недискриминацию великих держав». Такого рода планы были воплощены в проекте Регионального форума АСЕАН по вопросам безопасности (АРФ), первое заседание которого состоялось в 1994 г.

Региональный форум не рассматривался как организация внешнеполитического сотрудничества стран «Десятки». Это был инструмент «профилактики военной опасности» – усеченный, менее институционализированный, но, судя по всему, не менее эффективный, чем в свое время Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. АРФ – ежегодная конференция министров иностранных дел стран региона. Она созывается с целью «конструктивного диалога и консультаций по политическим вопросам и вопросам безопасности, представляющим взаимный интерес и с целью создания эффективных мер доверия и механизмов превентивной дипломатии в АТР»²³.

Под эгидой АРФ функционируют несколько научно-исследовательских институтов, расположенных в разных странах АСЕАН, которые занимаются анализом ситуации в сфере безопасности. В принципиальном плане страны АСЕАН по-прежнему руководствовались идеей исключения войны из региональных отношений. Они продолжали выступать в поддержку ЗОПФАН, а в 1995 г. подписали на Пятом саммите АСЕАН в Бангкоке Договор о создании в ЮВА зоны, свободной от ядерного оружия (в силе с марта 1997 г.)²⁴. Этот проект, однако, имел существенные слабости. Он так же, как и в свое время инициатива ЗОПФАН, не мог иметь шансов на успех без поддержки со стороны официальных ядерных держав, которые не спешили о ней заявлять.

В ноябре 2002 г. было подписано соглашение между АСЕАН и Китаем по островам Спратли²⁵. Стороны обязались, в ожидании урегулирования проблемы принадлежности островов на новой основе, воздерживаться от угрозы силой или применения силы (ст. 4), создать систему мер доверия в акватории Южно-Китайского моря. Речь шла об организации встреч представителей оборонных ведомств, уведомлении о предстоящих военных учениях, обмене информацией по вопросам безопасности в регионе (ст. 5, п.п. а-d). Кроме того,

было решено проводить в Южно-Китайском море совместные мероприятия по изучению океанической флоры и фауны, охране окружающей среды, обеспечению безопасности мореходства и организации спасательных операции в случае бедствия судов, борьбе с транснациональными угрозами, включая торговлю наркотиками, пиратство, незаконный оборот оружия (ст. 6, п.п. а-е)²⁶.

Важной чертой парадигмы действия Ассоциации в сфере безопасности стало вовлечение великих держав в правовое поле АСЕАН. Последним постепенно, мягко, но упорно навязывались нормы и правила поведения, соблюдаемые в ЮВА. В начале 2000-х гг. дело дошло до того, что малые и средние страны стали неофициально побуждать крупные государства-партнеры Ассоциации присоединиться к Договору о дружбе и сотрудничестве 1976 г. (ДДС). В 2003 г. КНР и Индия стали первыми внерегиональными державами, которые подписали ДДС. В 2004 г. их примеру последовали Япония, Россия и Южная Корея, а в 2005 г. – Австралия.

Свод принципов, содержащихся в этом договоре, включает в себя взаимное признание суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, мирное урегулирование споров и отказ от использования силы. АСЕАН постулирует присоединение к ДДС как символическую заявку на участие в направляемом им региональном сообществе. В частности, в 2004 г. было объявлено, что подписание ДДС выступает одним из условий участия в Восточно-Азиатском саммите (декабрь 2005).

В 2003 г. произошло укрупнение военно-политических планов АСЕАН. В 1997 г. в рамках Ханойского плана действий страны АСЕАН выдвинули идею построения Экономического сообщества АСЕАН (фактически – первая опора, если прибегать к терминологии ЕС). В 2003 г. на саммите на о. Бали эта конструкция, не без влияния европейского опыта, была достроена еще двумя элементами: Социокультурным сообществом АСЕАН и Сообществом безопасности²⁷. Их параметры отражены в Балийской декларации согласия 2003 г., а также в принятой на саммите АСЕАН в Таиланде в мае-июне 2009 г. Дорожной карте создания Сообщества АСЕАН. Все три Сообщества АСЕАН должны быть построены к 2015 г.

В тексте декларации в части, касающейся Сообщества безопасности, воспроизводятся и развиваются перечисленные выше принципы Договора о дружбе и сотрудничестве АСЕАН 1976 г. К ним добавились желательность «демократического и гармоничного окружения АСЕАН» (разд. А, п. 1). В декларации подчеркивается неделимость и неразрывная связь безопасности всех стран-членов АСЕАН, обусловленная географией и общими целями развития. Согласно этому документу, за всеми странами АСЕАН признается их суверенное право «на проведение самостоятельной внешней политики и политики в области безопасности с учетом углубляющейся взаимозависимости этих государств в политической, экономической и социальной сферах».

В качестве фундаментальных основ Сообщества безопасности АСЕАН выдвигается принцип всеобъемлющей безопасности, включающей политические, экономические, социальные и культурные аспекты. К сфере деятельности Сообщества, в соответствии с декларацией, относятся выработка норм, предупреждение конфликтов, поиск методов урегулирования конфликтов и постконфликтное миростроительство (п. 12). При этом речь не идет о движении к созданию оборонительного союза, военного блока или совместной внешней политики (п. 2). Страны АСЕАН подчеркивают центральную роль АРФ в обсуждении проблем региональной безопасности (п. 8). Одновременно форум служит основным инструментом вовлечения партнеров Ассоциации в региональный диалог.

Исходя из анализа программы-максимум АСЕАН в сфере безопасности до 2020 г. в редакции, изложенной во Второй декларации согласия АСЕАН (2003 г., о. Бали), видно, что даже в рамках Сообщества безопасности сохранится преобладание двусторонних контактов и договоренностей над многосторонними. Опыт проведения ежегодных встреч министров обороны в рамках Сообщества с 2006 по 2011 г. показывает, что конкретные меры относительно создания общеасеановских структур внешнеполитического сотрудничества пока не принимаются. Ни одна из стран-членов АСЕАН, за исключением Сингапура, не решается проводить крупные военные учения на многосторонней основе²⁸.

В рамках ядра АСЕАН в сфере военно-политического сотрудничества, по сути дела, сохраняется диалоговый формат, близкий к тому, что существует в АРФ. Представители государств обсуждают имеющиеся возможности и перспективы сотрудничества, но уклоняются от юридически обязывающих решений. Сохраняется приоритет двусторонних договоренностей над многосторонними.

Страны-участницы предпочитают опираться на внерегиональные державы при обеспечении безопасности, прежде всего на США, в ущерб развитию эффективных региональных механизмов в этой сфере. Эвакуировав военные базы, Соединенные Штаты сохраняют элементы военного присутствия в ЮВА через систему арендованных портов, двусторонние военные соглашения с отдельными государствами АСЕАН и военные учения с некоторыми из них²⁹. В то же время эти черты представлены в регионе неравномерно. Страны Юго-Восточной Азии, представленные в АСЕАН, в гораздо большей степени, нежели страны Северо-Восточной Азии, склонны координировать свои действия в сфере безопасности, особенно во взаимоотношениях с крупными региональными и мировыми державами.

Общепринятой остается точка зрения, согласно которой в Восточной Азии на Соединенные Штаты в обеспечении своей безопасности опираются три страны (территории) – Япония, Республика Корея и Тайвань, имеющие с Вашингтоном военный союз. В меньшей степени на американскую поддержку в военно-полити-

■ Политология

ческом смысле полагаются Филиппины, в прошлом – колония США, и Таиланд. Филиппины также имели договор безопасности с США, но с развитием АСЕАН стали постепенно отходить от полной ориентации на США, склоняясь к промежуточной форме отношений, акцентируя нейтралитет, сбалансированность своей внешней политики. Аналогичная эволюция была характерна для Таиланда. У него не была юридически обязывающегося союзного договора с США, но была близкая по духу и содержанию декларация о военно-политическом сотрудничестве, которой была достаточно для того, чтобы США оказывали Бангкоку помощь и поддержку.

Однако со временем фактор АСЕАН также приобрел большее значение для приоритетов Таиланда в сфере безопасности. В годы, когда Таиланд пошел на консолидацию отношений с США в военно-политической сфере, Бангкок боялся коммунистической угрозы со стороны Восточного Индокитая, прежде всего Вьетнама, а Вашингтон, со своей стороны, стремился придать внешней политике Таиланда максимально антикоммунистический и антивьетнамский характер. Впоследствии, с исчезновением биполярной конфронтации и расширением АСЕАН за счет присоединения стран Восточного Индокитая, фактор АСЕАН в системе военно-политических приоритетов Таиланда постепенно стал вровень с принципом опоры на США в вопросах обеспечения безопасности. Наконец, в регионе существует третья группа стран, которые исторически постоянно лавировали, пытаясь сохранить хорошие отношения с обеими полюсами глобальной системы, но делая при этом главный акцент на развитии АСЕАН. Это прежде всего Индонезия и Малайзия.

Участие в военных блоках, инициированных западными державами, обострения биполярной конфронтации на Дальнем Востоке и в ЮВА в сочетании с неразрешенными территориальными противоречиями в самих этих странах толкали государство региона к объединению (образование АСЕАН в 1967 г.). Вместе с тем необходимость самим заниматься вопросами поддержания своего нейтралитета, препятствовать вмешательству внерегиональных держав и военно-идеологическая поляризация региона, отягощенная системой двусторонних союзов сверхдержав с отдельными государствами региона, определила ориентацию внешнеполитической интеграции стран региона на строительство весьма специфической модели взаимодействия, логика которой напоминает своего рода «слабовооруженный нейтралитет на многосторонней основе».

Анализ опыта развития интеграции показывает, что наиболее активное ядро интеграционных тенденций в Восточной Азии – страны АСЕАН – в наименьшей степени вовлечены в региональное военно-политическое сотрудничество. Приоритеты регионального взаимодействия для них носят выраженный экономический характер. Военно-политическое сотрудничество в регионе развивается в рамках нескольких комплексов отношений, ни один из которых, по сути дела, не претендует на роль «военно-политического интеграционного ядра». АРФ в этой ситуации выступает как мягкая обрамляющая конструкция, достаточная для того, чтобы выполнять функции связи между элементами региональной системы военно-политической безопасности, но не достаточная для соединения этих элементов хотя бы в подобие региональной интеграционной структуры военно-политического характера.

В евроатлантическом пространстве НАТО и ЕС в известном смысле воплощали две разные, но взаимодополняющие интеграционные «специализации»: НАТО – главным образом военно-политическую, а Евросоюз – преимущественно экономическую и политическую. При этом военная составляющая структуры ЕС оставалась и остается недоразвитой и ориентированной на выполнение фактически вспомогательных функций по отношению к НАТО.

В Восточной Азии разделение специализаций интеграционных функций не просматривается в силу отсутствия военно-политической структуры, способной или готовой претендовать на интегрирующую роль в этом региональном пространстве. Экономическая мотивация интеграционных тенденций пока что безраздельно преобладает. Открытым остается вопрос о том, существует ли связь между относительно более низкими темпами экономической интеграции в Восточной Азии и «недоинтегрированностью» региональной военно-политической среды.

Baykov A.A. Factors of geography and security in the integration construction: the case of East-Asian integration.

Summary: *The paper analyzes the impact of geography and security threats on the dynamics and forms of integration cooperation in the area of East Asia. In particular, it is concluded that both the institutional features of the integration in Asia Pacific, and approaches in the field of cooperation between local states have been largely predetermined by the system of military cooperation and military-political agreements, which were formed during the "cold war".*

Ключевые слова

Интеграция, Восточная Азия, военно-политическое сотрудничество.

Keywords

Integration, East Asia, political-military cooperation.

Примечания

1. Hettne B. Beyond the New Regionalism // *New Political Economy*. Vol. 10. No. 4. 2005. P. 543-571; Harding H. *The India-China Relationship: What the United States Needs to Know*. NY: Columbia University Press, 2004. См.: Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., 2002. С. 9.
2. КНР, Тайвань, Южная Корея, Япония.
3. Бруней, Восточный Тимор, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины. Юго-Восточную Азию правильнее трактовать как «исторический регион» (термин введен группой авторов Института востоковедения РАН, под которым понимается «социально-пространственная общность, которая характеризуется устойчивостью границ и достаточной длительностью исторического процесса, общего для составляющего его стран. См.: ЮВА: проблемы региональной общности / Под ред. А.Р. Вяткина. М., 1987.
4. *The Future of Foreign Investment in Southeast Asia* / N.J. Freeman and F.L. Bartels (eds.). London: Routledge, 2004.
5. *Global Economic Prospects 2005: Trade, Regionalism, and Development*. Washington, DC: World Bank, 2005.
6. Christopher M. Dent. *East Asian Regionalism*. London and New York: Routledge, 2008. P. 43.
7. *Regional Integration in East Asia: From the View Point of Spatial Economics* / M. Fujita (ed.). Basingstoke: Palgrave, 2007. P. 33.
8. См. также: Малетин Н.П. АСЕАН: три десятилетия внешней политики (1969-1997 гг.) (часть II). М., 1999; АСЕАН в системе международных политических отношений. М.: Наука, 1993.
9. The Ha Noi Plan of Action. 1998 (<http://www.aseansec.org/145.htm>).
10. Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины.
11. Самойленко В.В. АСЕАН: политика и экономика. М., 1982.
12. Михеев В.В. Глобализация и азиатский регионализм. Вызовы для России. М., 2001.
13. The Bogor Declaration. Bogor, Indonesia. 15 November 1994 (http://www.apec.org/apec/leaders__declarations/1994.html).
14. Подробнее см.: Goh E. *Meeting the China Challenge: The US in Southeast Asian Regional Security Strategies*. Policy Studies Monograph. No. 16. Washington, DC.: East-West Center, 2005; Betwixt and Between: Southeast Asian Strategic Relations with the US and China. IDSS Monograph. No. 7. Singapore: Institute for Defence and Strategic Studies, 2005.
15. Avery D. H. Poole. *Cooperation in Contention: The Evolution of ASEAN Norms*. University of British Columbia YCISS Working Paper Number 44, January 2007. P.5.
16. The Bangkok Declaration. 8 August 1967. Bangkok (<http://www.aseansec.org/1212.htm>).
17. Bangkok Declaration (<http://www.aseansec.org/1212.htm>)
18. Declaration of ASEAN Concord Indonesia, 24 February 1976 (<http://www.aseansec.org/1216.htm>).
19. Goh E. *Great Powers in Southeast Asia* // *International Security*. Vol. 32. No. 3. 2007-2008. P. 124.
20. Подробнее об этом см.: Мосяков Д.В. Камбоджа: внутреннее развитие 1979–1989. М., 1991.
21. Goh E. *Southeast Asian Perspectives on the China Challenge* // *Journal of Strategic Studies*. Vol. 30. No. 4. 2007. P. 809-832.
22. У Вьетнама и Китая сохраняются споры относительно принадлежности Парасельских островов и островов Спратли в Южно-Китайском море. В 1979 г. между ними произошел довольно кровопролитный конфликт на вооруженной основе. В истории отношений КНР и Филиппин также происходили вооруженные столкновения в связи со статусом островов Спратли в 1990-х годах. Кроме того, в 1960-х годах Китай неоднократно вмешивался во внутренние дела Индонезии, поддерживая индонезийскую коммунистическую партию и немногочисленное и экономически влиятельное китайское этническое меньшинство в этой стране.
23. ASEAN Secretariat. Overview (<http://www.aseansec.org/92.htm>). См. также: Hiro Katsumata Establishment of ASEAN Regional Forum: Constructing a Talking Shop or a Norm Brewery? // *Pacific Review*. Vol. 19. No. 2. 2006. P. 181-198.
24. Treaty on the Southeast Asia Nuclear-Weapon-Free Zone. Bangkok, 15 December 1995 (<http://www.aseansec.org/2082.htm>).
25. Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. Phnom Penh, 4 November 2002 (<http://www.aseansec.org/13163.htm>).
26. Ibid.
27. Declaration of ASEAN Concord II (Bali Concord II) (<http://www.aseansec.org/15159.htm>).
28. Frost. *Asia's New Regionalism*. P. 135.
29. Siow T. Is a U.S. Military Presence in Southeast Asia Necessary in the Twenty-First Century? // *ARMY COMMAND AND GENERAL STAFF COLL FORT LEAVENWORTH KS* (<http://oai.dtic.mil/oai/oai?verb=getRecord&metadataPrefix=html&identifier=ADA383968>).